

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН КОЛЫВАНОВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯН СЕМИПАЛАТИНСКОГО УЕЗДА

Приводятся данные о переселениях приписных крестьян Убинской и Крутоберезовской волостей Семипалатинского уезда, об условиях легального закрепления на новых местах жительства и трудностях, с которыми сталкивались приписные крестьяне при попытке сменить место жительства.

Ключевые слова: Колывано-Воскресенский горный округ; приписные крестьяне; Убинская волость; Крутоберезовская волость; крестьянские переселения.

Приписка к заводам означала жесткое закрепление крестьян за местами их проживания: самовольные переселения мешали сбору податей, наряду крестьян на заводские работы, учету отработок крестьянами трудовой повинности на заводах и рудниках. Горно-заводская администрация строго регламентировала переселения крестьян: не выпускала приписных за пределы горного округа и стремилась не допустить расселения на его землях государственных крестьян.

В XVIII в. приписной статус ограничивал передвижение крестьян лишь частично: запрет на выход за пределы горнозаводского ведомства не предполагал несвободу переселения и организации новых деревень в его пределах. Благодаря самовольным переселениям крестьян внутри горного округа появлялись новые деревни, существование которых власти вынуждены были узаконивать [1. С. 211, 212; 2. С. 271]. Однако в XIX в. контроль над самовольными передвижениями крестьян усиливался.

Для легализации переселения крестьяне должны были заручиться согласием администрации: подать прошение и получить соответствующее разрешение. Требовалось согласие именно горной администрации – одного согласия земского управителя было недостаточно. Управители должны были ставить администрацию в известность о желающих переселиться крестьянах. Если же управитель принимал решения самостоятельно, без одобрения начальства, он также нес наказание (например, в виде удержания жалования). Кроме всего прочего, с переселением крестьян должны были быть согласны односельчане.

В случае если крестьяне переселялись, не дождавшись позволения, они считались переселившимися самовольно, беглыми, и после обнаружения их наказывали и могли водворить на места прежнего проживания, а новопостроенные дома разрушить. Проблема здесь заключалась в том, что крестьяне числились на прежнем месте проживания, где становились должниками, и повинности за них обязаны были нести односельчане.

Создание новых поселений могло осуществляться официально, с позволения администрации. Так, после основания д. Петропавловской в месте, подысканном генерал-майором Скалоном в ведомстве Бийской комендантской канцелярии, многие крестьяне-«поляки» из д. Староалейской пожелали туда переселиться. В 1778 г. по собственному желанию в нее были переселены Вакха Терентьев Казаев с женой Палагеей

Григорьевой дочерью и их сын Козьма с женой Татьяной Осиповой дочерью (сестрой Бориса Осипова, польского поселщика д. Староалейской); Алексей Данилов с женой Афимьей Евдокимовой дочерью и четырьмя детьми (старший сын Антон к тому моменту был уже женат на Устине Артемьевой дочери из той же д. Староалейской); Сергей Афонасьев с женой Авдотьей Пантелеевой дочерью, их сыном Егором и матерью Сергея – вдовой Марьей Леонтьевой дочерью. В 1779 г. из д. Староалейской в Петропавловскую переселился холостяк Яков Леонтьев – приемный сын Ивана Осипова и Марии Яковлевой дочери (за Ивана Осипова она вышла, будучи вдовой солдата Томского полка Филипа Козмина); холостяк Иван Григорьев Яковлев с племянником Кирилой Артемьевым; Игнатей Ларионов с женой Евдокией Семеновой дочерью, сыном и двумя дочерьми. Неизвестно, когда переселились в д. Петропавловскую староалейцы: Кирило Марков Каспиров с женой Натальей Моисеевой дочерью и сыном Василием, а также брат Кирилы Влас; Федор Иванов Шабанов [4. Л. 473–473 об., 479, 480 об., 482, 483, 486 об. – 487 об.]. В 1786 г. в д. Петропавловскую переселился крестьянин д. Бобровской Евтифей Яковлев Новиков с женой Парасковьей Яковлевой дочерью, их сыном Никитой, его женой и детьми [4. Л. 149].

В начале XIX в. рассматривался вопрос о возможности переселения крестьян Крутоберезовской и Убинской волостей на другие места жительства с тем, чтобы образовать там новые поселения. Переселиться изъявили желание 259 душ м.п. крестьян Крутоберезовской волости и 202 душ м.п. – Убинской волости; вероятно, вместе с семьями крестьян было значительно больше [5. Л. 51].

В Крутоберезовской волости разрешения на переселение просили жители крупнейших деревень – Зевакиной, Секисовской, Верхнеубинской. Из Зевакиной деревни изъявили желание переселиться 60 душ. Новое место, которое было ими подыскано для поселения, располагалось между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, напротив Удальских островов «над Иртышем» по линейной дороге.

259 жителей деревни Секисовской определили для себя сразу несколько мест для переселения. 10 душ просили разрешения на поселение вверх по Иртышу в устье речки Нарымки, впадающей в Большой Нарым, или же по Бухтарминской дороге на речку Березовку, впадающую в Бухтарму. 69 душ желали переселиться

вверх по р. Бухтарме на берегах ее притоков – Таволжанки и Осиновки, также по Бухтарминской дороге. Следует отметить, что к этим переселенцам желали присоединиться 22 души из Верхнеубинской деревни. Еще 98 душ нашли себе место у речки Быструхи, на расстоянии 12 верст от деревни Секисовской (по дороге на Риддерский рудник).

В Убинской волости желание переселиться изъявили жители Убинской, Екатерининской и Выдринской деревень.

Убинцы (22 души) желали переселиться на новое место между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, вверх по реке Шульбинке, в 20 верстах от ее устья у окраины Шульбинского бора. Место, выбранное для поселения, располагалось в 10 верстах от дороги на Локтевский завод.

Крестьяне Екатерининской деревни (48 душ) выбрали себе место примерно в 40 верстах от Екатерининской деревни на речке Шипунихе недалеко от Семеновского рудника, а также в 10 верстах от Линейной и Змеевской дорог.

Из д. Выдринской к переселению на новое место оказались готовы 132 души, которые обозначали себе место для переселения вверх по течению Бухтармы (по левому ее берегу), несколько ниже устья р. Тургусун, впадающей в Бухтарму с правой стороны, в 13 верстах от дороги к Зыряновскому руднику [5].

Для Колывано-Воскресенской администрации в данной ситуации было важно, чтобы крестьяне поселились на территории, приближенные к тем или иным заводам и рудникам.

Кабинетским указом от 16 сентября 1801 г. было постановлено, что крестьяне Усть-Каменогорской и Убинской волостей, общим числом 228 душ, могут переселиться на предназначенные места.

Еще одним примером легитимизации самовольно образованного поселения является история д. Солоновки. В 1803 г. командующий войсками в пограничной полосе генерал-майор Лавров сообщил начальнику Колывано-Воскресенских заводов об обнаружении на р. Солоновке деревни, именуемой жителями Усть-Солоновской. Переселения на речку Солоновку начались еще в 1791 г. из деревень Шелегиной, Чесноковой, Калистратихи. Согласия земских управителей на переселения получено не было. В том же году по указанию канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства Бийское волостное правление провело проверку и составило поименные списки жителей д. Солоновки. Поскольку крестьяне на новом месте уже обзавелись хозяйством, существование деревни было признано официально. В 1804 г. солоновцы дали подписку в том, что не будут более принимать новых жителей, а само дальнейшее переселение в д. Солоновку было запрещено. Несмотря на данные крестьянами обязательства и установленный запрет, переселения не прекратились [6. С. 93–95].

Однако не всегда вопрос о переселении крестьян (внутри заводского ведомства) разрешался также спокойно.

Горнозаводская администрация запрещала крестьянские переселения и постоянно ужесточала поли-

тику по отношению к фактам переселения: земским управителям вменялось в обязанность следить за переселениями, десятники несли ответственность не только за то, что отпускали крестьян на новые места жительства, но и за то, что позволяли пришлым крестьянам селиться на подведомственной им территории. За самовольные переселения предполагалось назначение штрафа – не только для самих беглецов, но и для тех, кто их приютил. Равно как наказание за самовольный уход для осуществления наемных работ было предусмотрено не только для самого крестьянина, но и его нанимателя. Однако все эти меры не остановили переселений.

В 1805 г. Кабинет потребовал от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства прекращения самовольных крестьянских переселений. В 1817 г. был издан новый указ Кабинета, согласно которому крестьяне должны были оставаться на тех местах жительства, на которых они были записаны по сказкам VII ревизии и ни под каким видом без особого дозволения не переселяться. В противном случае их ожидали не только водворение на прежние места проживания, но и штрафы. Со всех крестьян взяли подписку о том, что они обязуются не покидать мест проживания.

В 1819 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства издала новый указ, согласно которому всех самовольно переселившихся крестьян надлежит вернуть на прежние места жительства, а от земских управителей требовалось регулярно подавать рапорты об отсутствии самовольных переселений. С «лучших» людей взяли подписку о том, что они будут следить за тем, чтобы никто не переселялся самовольно внутри из их деревни (и не поселялся в ней без наличия соответствующего разрешения) [6. С. 92; 7. С. 222–225].

В 1836 г. вышло постановление горнозаводской администрации, согласно которому земские управители и волостные правления должны были предотвращать возможные переселения и препятствовать поиску крестьянами мест для переселения и обзаведению на этих новых местах хозяйством. Земским управителям были разосланы формы увольнительных и приемных подписок для регламентации процедуры переселения.

В увольнительной подписке записывались сведения о мужском составе семьи по данным последней ревизии. Эта информация вносилась в окладные книги по новому месту жительства (при этом, если со времени последней ревизии в семье оказывались умершие, их имена также вносились в окладные книги, и за них необходимо было выплачивать подати; то же самое происходило с податями за рекрутов).

Главным условием приемной подписки было требование о предварительном получении права на переселение. Такое право давалось обычно в том случае, если на семейство при двух последующих наборах не выпадала рекрутская очередь. Попадание в очередь на поставку рекрутов было прямым препятствием для получения разрешения на переселение [3. С. 90, 91].

Однако и эти меры не смогли остановить переселений, которые во многом объяснялись наличием

значительного пространства свободных земель, пригодных для обзаведения хозяйством. Данная причина – стремление найти больший земельный достаток – заставлял сибирских крестьян из неприписных волостей переселяться на земли горнозаводского ведомства. Но становиться приписными крестьяне при этом не желали. Характерный пример приводится в статье о самовольных крестьянских переселениях Т.С. Мамсик: в 1827 г. на землях заводского ведомства были обнаружены поселения тюкалинских крестьян Юдинской волости. Крестьяне обзавелись на новых местах хозяйством и все попытки заставить их вернуться на прежние места жительства оказались безрезультатными. Быть включенными в число приписных крестьян также не желали. В период с 1802–1825 гг. еще 9 деревень на территории заводского ведомства были основаны тобольскими крестьянами, которые, в конечном счете, отвоевали себе право оставаться на обжитых местах за давностью лет и при этом были освобождены от приписки [8. С. 122–125].

Горнозаводская администрация стремилась полностью взять под свой контроль любые передвижения крестьян. Даже на кратковременные отлучки для занятия промыслами, на рынок в крепости для продажи хлебных излишков, скота, на заработки требовалось получение специального разрешения, которое выдавал земский управитель по представлению сельских сотников и десятников. Сама необходимость получать разрешение приводила к злоупотреблениям, нередко приходилось делать земским управителям подарки для получения требуемого документа. Иногда оформление разрешения затягивалось, и крестьяне, отправляющиеся на промыслы, опаздывали, поскольку слишком долго ждали разрешения.

Несмотря на все попытки установить жесткий контроль, горнозаводская администрация не могла предотвратить побегов. Бежали как крестьяне, так и мастера-вые. Побег начался еще при заселении территории, что не удивительно: многие поселенцы (прежде всего, крестьяне-«поляки», а также ссыльнопоселенцы) оказывались здесь не по своей воле [9. С. 64].

Таким образом, несмотря на препятствия, чинимые со стороны горнозаводского начальства, стремившегося закрепить крестьян на их местах жительства, зафиксированных при переписи населения, крестьянские переселения были частым явлением. Это объяснялось, с одной стороны, тяжелыми условиями существования приписных крестьян, значительными заводскими повинностями, возлагаемыми на них, а с другой – огромными пространствами Сибири, дающими возможность укрыться. Опора горного начальства на сельскую администрацию не имела успеха: крестьянские выборные не могли воспрепятствовать переселениям. Поэтому самовольные переселения встречались гораздо чаще, чем переселения, осуществляемые с дозволения горнозаводской администрации, не приветствовавшей факта перемещения крестьян внутри горнозаводского ведомства (не говоря уже о бегстве крестьян за его пределы). Поиски беглых и наказание их было обычным явлением в жизни приписной деревни.

Самовольно переселившиеся крестьяне стремились узаконить факт своего существования и подавали прошения (конечно, уже после того, как обзаводились хозяйством на новом месте) о включении их в оклад по новому месту проживания. Ни запреты на переселения, ни штрафы, ни угрозы водворения на прежние места проживания и физическое наказание не стали сдерживающим фактором крестьянской миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке : Русское население и сельскохозяйственное освоение / АН СССР, Сиб. отделение. Новосибирск, 1965. 267 с.
2. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / ред. кол.: А.П. Окладников (отв. ред.), В.А. Александров, З.Я. Бояршинова, О.Н. Вилков, Е.М. Залкинд, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровский, А.А. Преображенский, Н.Д. Золникова. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
3. Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабентских землях в Сибири / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 200 с.
4. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819.
5. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456.
6. Бояршинова З.Я. К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX в. (По материалам д. Солоновки Бийской волости Томской губернии) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. Вып. 1. С. 92–99.
7. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с.
8. Мамсик Т.С. Самовольные крестьянские переселения (По материалам Сибири первой половины XIX в.) // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.) ; Бахрушинские чтения 1979 г. ; сб. науч. тр. / ред. кол. : А.П. Окладников (отв. ред.), Н.Я. Гушин, Л.М. Горюшкин, И.С. Кузнецов, Н.А. Миненко. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1979. С. 116–126.
9. Мамсик Т.С. Побег как социальное явление : Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1978. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 сентября 2014 г.

RESETTLEMENT OPPORTUNITIES OF BONDED PEASANTS OF THE KOLYVANO-VOSKRESENSKY MINING DISTRICT IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY ON THE EXAMPLE OF SEMIPALATINSK DISTRICT PEASANTS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 122–125. DOI 10.17223/15617793/390/21

Lyapkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

Keywords: Kolyvano-Voskresensky mining district; bonded peasants; Ubinsky region; Krutoberezovsky region; peasant resettlement.

Resettlement of bonded peasants in the 19th century was controlled more strictly than in the 18th century. Due to the unauthorized resettlement of peasants, there were founded new villages in the mining district. The authorities were forced to legitimize them. Resettlement of peasants was considered unauthorized if there was no permission from the mining administration. Such peasants were considered fugitives, they were wanted and returned to their former places of residence. Settlement of new villages was perceived positively when they were founded by the decision of administrations. After the founding of Petropavlovskaya village in the place chosen by Major General Scalon in the Biysk Commandant's Office, many peasants-"Poles" from Staroaleyskaya village wished to move there. Peasants from other villages, such as Bobrovskaya, wanted to move there too. In the 19th century control over the resettlement of peasants became tougher. However, resettlement was still carried out. In 1801, the mining administration allowed to move peasants of Ust-Kamenogorsk and Ubinsk regions to the places that peasants found themselves. The relocation of 228 people was approved, but the number of requests for resettlement was greater. In 1804, Solonovka village, founded by peasants without permission, was officially recognized. In this case, the residents were forbidden to accept new immigrants. The mining administration issued decrees which forbade the resettlement of peasants and made zemstvo heads organize the return of resettlers to their former places of residence. Similar decrees were issued in 1817 and 1819. By the Decree of the mining administration from 1836, zemstvo heads were obliged to prevent the preparation of peasants to resettlement. Search for new places of residence was forbidden. Peasants had to obtain a special permit issued by a zemstvo head by recommendation of rural foremen even for short absences for cropping, selling grain surpluses and cattle at the market, for work. The need to obtain a permit led to abuse of power; peasants often had to make gifts to zemstvo heads for the requested document. Sometimes obtaining a permit was delayed, and peasants engaged in cropping were late for they waited too long for the permission. However, an attempt to completely stop peasant resettlement failed, new villages were still founded in the territory of the Mining Office both by the bonded peasants and those who came from the outside of the mining district.

REFERENCES

1. Gromyko M.M. *Zapadnaya Sibir' v XVIII veke: Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie* [Western Siberia in the 18th century: the Russian population and agricultural development]. Novosibirsk: SB USSR AS Publ., 1965. 267 p.
2. Okladnikov A.P. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Siberian peasants under feudalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 504 p.
3. Zinoviev V.P. (ed.) *Integratsiya pripisnoy derevni i gorno-zavodskogo proizvodstva na kabinetnikh zemlyakh v Sibiri* [Integration of bonded villages and mountain-plant production on the Office lands in Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 2006. 200 p.
4. State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 169. List 1. File 819.
5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 18. File 456.
6. Boyarshinova Z.Ya. K voprosu o khozyaystve pripisnykh krest'yan pervoy chetverti XIX v. (Po materialam d. Solonovki Biyskoy volosti Tomskoy gubernii) [On the issue of bonded peasants' economy in the first quarter of the 19th century (Solonovka village, Biysk parish of Tomsk Province)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR*, 1964, issue. 1, pp. 92–99.
7. Zheravina A.N. *Kabinetnikhoe khozyaystvo v Sibiri (1747–1861 gg.)* [The Office farms in Siberia (1747–1861)]. Tomsk: TSU Publ., 2005. 324 p.
8. Mamsik T.S. *Samovol'nye krest'yanskoe pereseleniye (Po materialam Sibiri pervoy poloviny XIX v.)* [Unauthorized peasant resettlement (in Siberia of the first half of the 19th century.)]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri i rost ee narodonaseleniya (XVIII–XX vv.): Bakhrushinskiye chteniya 1979 g.* [The economic development of Siberia and the growth of its population (18th–20th centuries). Bakhrushin readings in 1979]. Novosibirsk: NSU Publ., 1979, pp. 116–126.
9. Mamsik T.S. *Pobegi kak sotsial'noe yavlenie: Pripisnaya derevnya Zapadnoy Sibiri v 40–90-e gody XVIII v.* [Escapes as a social phenomenon: bonded village of Western Siberia in 1740–1790s]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978. 208 p.

Received: 17 September 2014